Глава 38. Не могли бы вы позволить ей спокойно покинуть столицу? [Конец этого тома]

Когда ее внесли в широкую крытую повозку, Шаошан все еще была в замешательстве от того, что происходило последние два дня.

В тот день она вернулась домой из резиденции семьи Инь уже в сумерках. Две телохранительницы со строгими лицами позвали ее, и она вместе с ними направилась в зал «Росток тростника в девятый зимний день», который был ярко освещен свечами, высоко поднятыми над полом, где госпожа Сяо стояла посреди зала с ледяным выражением лица. Она немедленно поняла – что-то случилось. Ранее, предварительно планируя ловушку, она сразу же подумала, что конечно же есть возможность и некоторые люди раскусят ее хитрость, вот только не думала, что все произойдет так быстро. Вот почему, стоя перед обвинившей ее госпожой Сяо, она безо всяких околичностей сразу созналась.

–Не было никакой причины, нужно было как-то выплеснуть свой гнев, – холодно сказала Шаошан, не признавая свою ошибку.

Госпожа Сяо с чуть самодовольным лицом начала ругать ее раздраженным голосом – ребенок то, ребенок это, фраза за фразой она метала древние изречения из книг, только Шаошан не хотела вникать. В конце словесного внушения подошла очередь легендарного «семейного наказания». Госпожа Сяо явно пришла хорошо подготовленной, видимо, сторонников Шаошан в резиденции не было, девушка понимала, что дело принимало скверный оборот, но она с детства была упряма и без возражений решила подвергнуться наказанию.

Когда четыре телохранительницы придавили ее к прямоугольному столику, Шаошан немного растерялась, а при виде мрачного и страшного старика с палкой в руке ее лоб стал обильно потеть – и она, несмотря на то, что с детства не имела ни любящего отца, ни любящей матери, сохранила трезвый взгляд на предрассудки, однако ее тело никогда не подвергалось какому-либо наказанию!

Беспомощно наблюдая за развернувшимся спектаклем, очевидно умело подготовленным директором Сяо, Шаошан было собиралась просить пощады, но почему-то не открыла рта.

Вот первый удар палкой по ее телу, от которого у Шаошан даже дыхание остановилось, а ягодицы и ноги запылали, будто в сухой траве разгорелось пламя. Боль взорвалась языками пламени и стремительно распространилась по всему телу. Она хотела закричать, но вдруг услышала, как из осипшей глотки вырвался звук, и это было похоже на рыбу, которую заживо чистили от чешуи, она только и могла вдохнуть толику холодного воздуха.

Опасаясь, что сама запросит пощады и потеряет лицо, Шаошан крепко сжала губы. Пусть даже ей было больно от нехватки воздуха, она ни в коем случае не собиралась открывать рот и вдыхать воздух – дойдет ли до того, что она запросит пощады? Сегодня директор Сяо не так уж и зла по сравнению с прошлым, она даже почувствовала, что если будет молить, она сможет спастись. Однако она не будет просить пощады! Пусть убивает – но она не склонит голову!

В то время, когда она училась в начальной школе ее классная руководительница, уже в преклонных годах, была очень добра к ней и как-то сказала ее бабушке: "Лин-нань такая упрямая и решительная, плохо, когда она говорит о плохом, и хорошо, когда речь о хорошем. Когда она поймет, что хочет хорошо учиться, она непременно возьмется за это и приложит все силы".

К сожалению, она быстро вышла на пенсию. И Шаошан больше не сталкивалась с такими учителями. Позже был преподаватель, который также хорошо относился к ней, но это было во времена ее выдающихся успехов в учебе.

Сколько раз ее ударил старик, Шаошан уже точно и не помнила, она ощутила вяжущий и вонючий вкус во рту, ее тело болезненно онемело, и напротив, боль от прокушенной губы стала более отчетливой. В тот момент она чувствовала, как опухли ее мозги и как кружится голова, затем ее подняли и отнесли в ее жилище, до нее доносились крики и плач А-Чжу, у нее почему-то стало легко на душе, а затем она просто пребывала в блаженном неведении.

В то время полусонная, почти потерявшая сознание, она ощутила на месте ранения нечто прохладное, должно быть ей нанесли лекарство. А еще теплая и мягкая рука легко поглаживала ее, по волосам и по лицу, а потом достигала поврежденного места. Кожа ладони была нежной, руки А-Чжу в корне отличались от этой руки мозолями, Шаошан сонно подумала, что это, пожалуй, Сан-ши.

Она снова пришла в себя в тот час, когда уже небо было черным как смоль, но была ли это третья или четвертая стража? Шаошан в изголовье кровати увидела большую и темную тень и вздрогнула от испуга. Тень человека издавала звуки, словно разбитый медный гонг, дребезжащий на ветру, и это было очень страшно. Но из-за боли у Шаошан даже реакция на испуг была очень медленной, не было сил звонко закричать, она лишь бездумно смотрела.

Чэн Ши сидел в изголовье кровати и плакал, его рослая монументальная фигура сотрясалась от рыданий, в слабом свете горящих в печи углей Шаошан увидела что борода отца вся увешана соплями, это было омерзительно.

А затем и она заплакала.

Она не плакала, когда к ней относились холодно и насмехались, она не плакала, когда другие люди оскорбляли ее, она не плакала, а скрежетала зубами, когда ее наказывали батогами, но теперь она горько плакала, и это было похоже на уровень средней группы детского сада – когда вчера маленький Чэн Оу страдал от болей в животе, он рыдал совершенно также.

Она все время гнушалась своей дряхлой и бездарной бабушкой, не способной защищать ее, маленькую, от жизненных штормов, к тому придерживающейся консервативных взглядов и невежественной, она была не способна дать внучке верное направление на жизненном пути. А потом внучка в юном возрасте осталась одна лицом к лицу с жестоким миром.

Она прибыла в среднюю школу старшей ступени с черной повязкой на рукаве, в то время она ничего не чувствовала, и только, когда директор учебного заведения на торжестве по случаю

достижения успехов собственноручно вручил ей грамоту, а старший брат отца веселился так, что был похож на смеющуюся тыкву, в поселке люди один за другим заговорили о ее напористости и здравомыслии, и также о том, что она смогла поступить в очень хороший университет, и она стала-таки славой всего поселка – ей внезапно очень захотелось, чтобы ее бабушка увидела все это.

Однако старушка уже как три года умерла, и на ее могиле пышно росла трава.

И только тогда Шаошан поняла, что в этом мире она осталась одна. Ребенок хочет уважения родителей, а если родителей нет в живых, можно сколько угодно обливаться потом и кровью, но совершенно невозможно, сожалея о содеянном, исправить ошибки, твое раскаяние пришло тогда, когда уже нет никого, перед кем можно было бы оправдываться, и тебе теперь только и остается поднять подбородок и идти вперед.

Шаошан приникла к коленям Чэн Ши и душераздирающе зарыдала, ей очень хотелось вырвать свое сердце.

Почему же она, следуя за старшей сестрой и втеревшись в ее доверие, никогда не бывала неосторожной? Потому что снаружи никогда не было никого, кто мог бы вместо нее взять за нее вину. Почему же она смогла препираться и драться с людьми из семьи Инь и Ван? Да потому что стоявший за ней отец Чэн смог бы простить ее и лихо справился бы со всеми возникшими последствиями!

Она – такой подлый человек, распоясавшийся под покровительством сильного!

Однако сейчас она стремится быть хорошей перед отцом Чэном, хорошей перед старшими братьями, перед дядями, тетушками и старшей сестрой, чтобы они могли радоваться и гордиться ею, нежели все время тревожиться и приводить ее дела в порядок.

Отец и дочь горько плакали и плакали до того времени, пока в печи не погасли угли, у А-Чжу же не было другого выбора, как войти и подбросить еще углей.

Чэн Ши ничего не сказал Шаошан, такой умный человек, как его дочь, разве может не понимать, что «можно постоянно относиться легко к риску, но нельзя наживать себе слишком много врагов»? Это ведь такая простая истина, не правда ли?

Отдохнув сутки, Шаошан собралась отправиться в путь вместе с Чэн Чжи и Сан-ши. В тот день в резиденции Чэн их провожало множество людей, в это хмурое утро было безветренно и не шел снег, госпожа Сяо же, ничем не отговорившись, отсутствовала.

Матушка Чэн, как и прежде, привлекала к себе своего младшего сына и ревела навзрыд не в состоянии отпустить его, и одновременно как голодный волк пристально смотрела на Сан-ши, старательно запугивая ее, чтобы она как следует приглядывала за «любимым маленьким сыночком этой старухи». С таким же выражением лица и также нудно разглагольствуя, Чэн Ши многократно повторял дочери, как ей лучше лечить раны, как набраться сил и здоровья, что нужно есть побольше мяса и овощей и много двигаться, и тоже самое повторил еще раз и

для А-Чжу.

Чэн Ян еще до рассвета поручила женщинам с кухни приготовить еду и собрала для Шаошан несколько полных корзин с легкими закусками, чтобы в дороге она могла хорошо питаться, Чэн Сун и Чэн Шаогун без остановки переносили из дома вещи, и никто уже не понимал, где лежит еда, а где безделушки.

Чэн Юн долго стоял в стороне, а потом подошел сбоку к повозке, и сквозь занавеску сунул в руки Шаошан завернутый в сукно кусок туши, прошептав:

–Продолжай читать и писать, не нужно запускать учебу.

Шаошан приподнялась, высунув голову наружу, посмотрела на покрасневшие глаза старшего брата:

–Старшему брату не нужно засиживаться допоздна за чтением книг. Будь осторожен, иначе, не достигнув тридцати лет, ты ослепнешь и облысеешь!

Чэн Юн погладил младшую сестру по волосам, заплетенным в прическу шуанхуань, и вздохнул.

С большим трудом освободившись от пылкости матушки Чэн и Чэн Ши, кортеж в конце концов отправился в путь. К сожалению, избитые места у Шаошан все еще болели, и ей только и оставалось, что скромно лежать в своей повозке, и ей было не суждено лично увидеть, как они пересекут грандиозные городские ворота, и посмотреть снизу вверх на внушительную картину купола изнутри.

В другой крытой повозке Чэн Чжи со своей женой говорил на праздные темы:

–Почему сегодня сестрица Юанъи не вышла на улицу? Она никогда не нарушала так грубо правила приличия.

Сан-ши пристально взглянула на мужа:

–Все же яснее ясного, почему ты спрашиваешь?

Чэн Чжи снова спросил:

–В тот день разве не было условлено, что ей дадут десять палок? Оставалось еще три или четыре удара, почему же старшая сестра уронила чашку?

Сан-ши даже не изменила тона:

–Все же яснее ясного, почему ты спрашиваешь?

Чэн Чжи забавлялся, глядя на жену:

–Скажи мне, нужно ли нам рассказать об этом Няоняо? Чтобы не настраивать друг против

друга мать и дочь еще больше?..

Сан-ши сказала:

–И как ты скажешь? Няоняо, твой батюшка первоначально хотел тебе всыпать десять палок, а твоя матушка расчувствовалась и дала тебе на три палки меньше, ты обрадуешься этому или будешь недовольна?..

Она подражала тону мужа, а, закончив говорить, закатила глаза:

–Если ты скажешь, то не знаю, хороши ли будут отношения между матерью и дочерью, но между отцом и дочерью это добром не кончится. После этого посмотрим, не зажарит ли тебя старший брат живьем!

Чэн Чжи причмокнул губами:

–Ладно, не будем говорить. Немного погодя я постараюсь убедить Няоняо, что не стоит злиться на собственную мать.

Презрительно закатив глаза, чуть не вылезшие из орбит, Сан-ши сказала:

–Ты ошибочно считаешь, что в сердце Шаошан ты исключительный, думаешь, она послушает тебя? Если она едва, процентов на сорок, слушает то, что говорит старший брат?

В глубине души она ощутила, что ее муж слишком самоуверен:

–У Няоняо здравый ум и строптивый характер, некоторые дела она продумывает как следует, и обычно это завершается успехом. Тебе лучше сэкономить силы, и когда мы доберемся, дать ей что-то приятное на вкус или то, с чем она может поиграть, или нечто оригинальное и занимательное, все прочее я сделаю сама.

Чэн Чжи опустил плечи и проговорил со вздохом:

–Няоняо такая решительная, и она не сказала ни слова, когда ее били. Очень жаль, что она родилась девочкой, если бы она была мужчиной, то обязательно была бы способна добиться многого!

Сан-ши молчала долгое время, потом заговорила:

–Этот Цзян Цзэн по-настоящему талантливый. Я видела травмы Няоняо, кровь текла, и все было ею заляпано, но кожа не лопнула, а опухоли, отеки и рубцы совсем небольшие, вот почему… – она не смогла удержаться и, протянув руку, надавила на спину мужа, – действительно очень больно?

Чэн Чжи тут же взвизгнул и подпрыгнул как живая креветка на сковороде, взвыв от сильной боли.

Защищая спину одной рукой, другой указал на жену:

–Ты, ты, ты… ты такая бессовестная! Ты попросила меня отправиться к Цзян Цзэну и попробовать выдержать один удар палкой, и ты после этого так обходишься со мной?! – в то время, когда его единожды ударили палкой, почти половина его тела болезненно онемела.

Сан-ши неудержимо смеялась:

–Если бы я только смотрела на травму, как бы я поняла, насколько болит рана у Няоняо? – прекратив смеяться, она сказала со вздохом: – Ведь Няоняо может заупрямиться, хотя в сердце будет меланхолия. Сейчас тебе не нужно ей надоедать, я постараюсь как следует объяснить все!

Чэн Чжи был весьма недоволен, и как раз собирался заговорить, как внезапно услышал доносящийся с улицы конский топот, семейный воевода из-за повозки оповестил:

–Нас преследует группа людей, говорят, что главный из них является племянником тайпу Лоу Цзина, сыном Лоу Цзи, цинюньчэна округа Яньчжоу, имя его Лоу Яо, и он просит встречи с господином.

–Племянник господина Лоу? – Чэн Чжи был озадачен. – Какое отношение семья Лоу имеет к нашей семье? Старший брат же только завязал знакомство с ними? Я не понимаю.

Сан-ши немного задумалась, в уголках ее губ появилась улыбка.

Чэн Чжи набросил на плечи зимнюю одежду и сошел с повозки, и только тогда увидел опрятно одетых охранников, каждый из которых восседал верхом на упитанной крупной лошади, а неподалеку ожидал одухотворенного вида молодой господин.

Молодой человек, увидев Чэн Чжи, сразу же выпрямился, потом спрыгнул с коня и склонился в приветствии:

–Ваш покорный слуга – Лоу Яо – приветствует младшего дядю Чэн Чжи!

Чэн Чжи ответил на приветствие, обронил несколько вежливых фраз и сразу же перешел к делу:

–Зачем молодой господин Лоу приехал?

Вероятно, из-за того, что он скакал на лошади во весь опор, Лоу Яо все еще задыхался, на лбу выступили капли пота, и с волнением он сказал:

–Дядюшка Чэн, я сегодня… нет, я ранее виделся с вашей племянницей Шаошан-цзюнь и глубоко ощутил… глубоко почувствовал… я сегодня приехал специально, чтобы увидеться с ней, не знаю, позволит ли мне дядюшка увидеться с ней…

Очень много сказано было вокруг да около, но, по правде говоря, ничего не стало ясно, щеки молодого господина покраснели.

–Ты знаком с нашей Шаошан? – Чэн Чжи посмотрел на солнце, чувствуя головокружение.

Лицо Лоу Яо еще больше покраснело, и он все больше заикался:

–Да, да, видел, не был представлен… но, но впервые встретился как со старым знакомым…

Чэн Чжи же все более и более приходил в изумление:

–Ты с Шаошан встретился как со старой знакомой впервые? – по-видимому, старший брат с женой все же проглядели, племянница не только может попасть в беду, но еще может вызвать и любовь, только побывав на нескольких званых ужинах, и сразу же вызвала любовный интерес сына рода Лоу с земель восточного берега Хуанхэ, превосходно, превосходно.

–Где и когда ты встретился с моей племянницей?

Чэн Чжи крайне заважничал, несмотря на то, что его дочь Чэн Вэй еще не достигла и десяти лет, но он уже вполне осознанно и досрочно вошел в придирчивый образ своего старого тестя.

–Поистине непонятно, зачем господину так много спрашивать, – кто же знал, что Сан-ши, поддерживаемая под руку служанкой, неторопливо выйдет из повозки и поспешит разрушить трибуну под своим мужем, – молодой господин Лоу рассказал, что он знаком с Шаошан, разве возможно, что он будет обманывать нас?

Она опять обратилась к молодому господину Лоу и с легкой улыбкой сказала:

–Шаошан немного приболела, она впереди в головной повозке, если молодому господину Лоу есть что сказать – идите и поговорите. Вот только нам нужно поспешить и до заката достичь почтовой станции, а потому, молодой господин Лоу, поторопитесь!

Лоу Яо весь вспотел за то время, когда его допрашивал Чэн Чжи, услышав слова Сан-ши, всем своим лицом он выразил ей крайнюю благодарность и чуть не ударился головой о землю, когда кланялся ей. Чэн Чжи с трудом сдержал смех.

Более того, Сан-ши очень заботливо подозвала А-Чжу и А-Мэй, находившихся внутри повозки Шаошан, чтобы дать возможность юноше и девушке поговорить наедине. Пришедший в раздражение Чэн Чжи сказал:

–Может ты им еще и место для банкета на смотринах устроишь?!

Сан-ши усмехнулась:

–Не нужно устраивать свадебный банкет, но не нужно приходить и все портить.

Чэн Чжи поохал несколько раз, потом внезапно сказал:

–…Верно ли, что ты недовольна тем, как сестрица Юанъи обходится с Няоняо?

Сан-ши молчала долгое время перед ответом:

–Я родилась с большим везением в жизни. Мои родители хорошо меня понимали, всего лишь говорили мне быть честной и доброжелательной, все прочее легко уладить. Я не любила женское рукоделие, отец сказал, что это и ненужно, я не любила сплетничать целыми днями напролет с сестрами, а старший брат отправился вместе со мной повидать мир. И даже впоследствии, когда я уладила дела с семьей Хуанфу, в семье стали соглашаться со мной. Однако Сян-цзюнь не повезло также.

Чэн Чжи сказал:

–Это ведь твоя ближайшая подруга? Я помню, она уже… – на ее могильном холме уже выросли большие деревья.

У Сан-ши в сердце ощущалась тупая боль:

–Если говорить о способностях и таланте, то Сян-цзюнь ни на полкапли не уступала жене старшего брата. К сожалению, у нее не было таких же хороших родителей как у меня, и она была вынуждена выйти замуж за мужчину не таких широких взглядов, быстро возненавидела все в своем сердце и в итоге умерла.

Чэн Чжи кое-что мгновенно вспомнил, он сказал:

–А потому, когда несколько лет назад ее семья пришла к тебе с просьбой о помощи, ты небрежно избавилась от них?

Сан-ши с глубокой ненавистью сказала:

–Ведь ясно – раз в доме есть талантливый юноша, он будет пользоваться популярностью во всем мире. Но вопреки всему ее заперли и сковали, и совершенно заслуженно ее семья потеряла власть и пришла в упадок! Ах, разве они не говорили, что правила приличия в сравнении с процветанием семьи важнее? Что ж, ладно, следуйте своим правилам приличия и убирайтесь!

Коснувшись этого, она загрустила:

–Сян-цзюнь все же была слишком великодушна, жаль, что она не покинула свой родной дом. Если бы она была как Няоняо… кем бы ты ни был, но если посмел бы наступить ей ногой на голову, то она перестала бы доверять и тогда… тогда она бы сейчас обязательно жила хорошо…

Чэн Чжи вздохнул, несмотря на то, что слова его жены прямо подстрекали не почитать старших в роду и вызывали подозрения, но он понимал скорбь жены и, обняв ее за плечи, не сказал ни слова.

……

В другой стороне Лоу Яо нерешительно подошел к передней повозке с Шаошан.

Шаошан посмотрела сквозь занавеску и очень изумилась: хотя с этим человеком они и виделись дважды, однако он не сказал ей и половины предложения.

–Не знаю, хочет ли молодой господин Лоу дать какое-то наставление? – она подумала, что не обижала этого человека. Ведь скорее всего нет?

Лоу Яо запнулся и молчал долгое время, украдкой смотря на девушку в повозке, освещение внутри было тусклым, и в свете теней она становилась еще более бледной и слабой, слегка нахмурив брови, она была словно поникший под ударами дождя крохотный цветок, белокожая, юная красавица, прозрачная будто осенние воды.

Он вспомнил, что кортеж семьи Чэн все еще должен спешить к месту назначения, набрался смелости и сказал:

–Ты… я, я думал сказать, ты очень хорошая, я… ты очень хорошая, очень хорошая…

Шаошан (здесь должен быть смайлик смущения): не хотите ли вы немного упорядочить свои высказывания? Обратите внимание на подлежащее, сказуемое и дополнение, они обязательно должны быть украшены деепричастием.

–Я полагаю, что в том деле ты не виновата! Ничуть не виновата, – Лоу Яо воодушевлялся большую половину времени и в конце концов выдал свой коронный прием: – Я очень восхищаюсь тобой!

Он посчитал, что в его признании ключевая фраза была во второй части предложения, однако девушка, сидящая в повозке, сосредоточила свое внимание на первой части.

У Шаошан внезапно помрачнело лицо:

–Что значит – я не виновата? Где ты такое услышал?

Лоу Яо вздрогнул от испуга:

–Не, не имеет значения… ты столкнула их с моста, так правильно, ты не ошиблась…

Шаошан испугалась, с усилием подтянула половину тела, ее маленькое личико напряглось:

–Что за вздор ты несешь! Где услышал такое! – исключая пожилую госпожу Вань, не должно быть никого, кто бы смог ее разгадать, тем более, если говорить о человеке, выглядящем не очень умным.

–Я.. я после того, как отослал А-Ли, сразу вернулся, чтобы найти тебя и поблагодарить… – Лоу Яо бросил взгляд на девушку перед собой, подобную красным языкам пламени, испугался и запнулся, – но я не мог придумать, что сказать, и просто следовал за тобой, увидел, как ты… вытащила несколько деревяшек из моста…

Шаошан в изнеможении откинулась назад.

И впрямь, планы Бога не так хороши как человеческие, она создала чрезвычайно хитрый план, во всех отношениях хитрый, однако не предприняла меры и кое-кого проглядела. Этот молодой человек должно быть занимался боевыми искусствами, его способность – ходить неслышно, следуя за ней, – само собой она и не услышала его.

Лоу Яо заметил ее помертвевшее лицо, немедленно сказал:

–Не беспокойся, я никому не расскажу! Даже родителям и близким родственникам я не скажу ни слова. А если я скажу, то пусть немедленно умру – Небо будет свидетелем этому!

Шаошан в конце концов немного успокоилась, она знала, что люди здесь ценят в высшей степени клятвы и проклятия, и это не менее эффективно, чем обращение к нотариусу для нотариального заверения имущества. Следовательно, самое меньшее – эти махинации не распространятся и не причинят неприятностей семьям Вань и Чэн.

–Я маленькая и глупая, и мне стыдно, что я стала причиной такого ужасного бедствия, – голос Шаошан был слабым и нежным, – честно говоря, молодой господин Лоу, я сейчас не болею, а терплю последствие семейного наказания батогами, меня изгнали из столицы, вынуждая как следует покаяться в содеянном.

Увидев ее такой, Лоу Яо не только расчувствовался, но и мягко сказал:

–Не бойся, не нужно тяжко переживать. По-моему, в этом деле ты ничего плохого не сделала, Ван Лин совершенно заслуженно была наказана! Однако тебя совершенно неожиданно наказали старшие! Сколько раз ударили батогом? Болит ли еще? В нашей семье есть хорошее лекарство. Я принесу его тебе!

Шаошан про себя съязвила, чтобы ты принес эту фигню, неужели кортеж семьи Чэн должен ждать все то время, пока ты вернешься домой и принесешь лекарство?! Однако притворившись, она сказала слабеньким голосом:

–Тогда прошу прощения у молодого господина Лоу, но не надо торопиться с ответом, давайте прощаться.

Подтекст этих слов был прямо-таки безнадежным, но Лоу Яо не только не понял его, а довольно улыбнулся и вслед за этим уже хотел откланяться, но, в конце концов вспомнив, что самое важное он не сказал, подошел ближе и произнес:

–Шаошан-цзюнь, я, я…

Юноша, залитый с ног до головы лучами восходящего солнца, твердым голосом сказал:

–Я хочу взять тебя в жены! – несмотря на то, что он уже десять лет был обручен, однако так выразился впервые за всю свою жизнь.

Шаошан уже потеряла всякое терпение, а, услышав эти слова, с большим трудом подавила гнев, но несмотря на все усилия, вырвалось насмешливое:

–Взять меня в жены? А как же невеста молодого господина Лоу?

Лоу Яо немедленно сказал:

–Она в этом месяце собирается выйти замуж! Не за меня! За наследника княжеского дома Сяо! – так ликовать после того, как тебя отвергли? Его желание выжить еще слишком сильно.

Шаошан сказала с холодной усмешкой:

–Помолвка молодого господина Лоу была отменена, и ты тотчас же начинаешь морочить голову мне? Как можешь ты так обижать людей?! Почему теперь, когда ты крепко ухватил меня, имея такой повод, то сразу же почувствовал себя смелее? Я говорю тебе, носящий фамилию Лоу, если ты пришел сюда что-то сказать – говори, я не потерплю шантаж!

Что еще делать молодому человеку или девушке в городе, когда они бездельничают и скучают, не учатся и не открывают свое дело? Несмотря на то, что в то время она была еще молода, но, слыша клятвы любви посторонних, все-таки могла обсуждать их. Тогда:

А-Цян нежно говорил: «Я люблю тебя», А-Чжэнь стала жить с ним, и несмотря на то, что они прожили N-количество лет, он бросил ее и взял в жены другую;

Крутой А-Гоу сказал: «Ты – моя жена», А-Хуа ради него сделала аборт, N-раз впоследствии страдала от сотней болезней, и после они так и не заключили брак, Шаошан не знала, сможет ли А-Хуа стать матерью или нет;

Хорошо владеющий искусством речи А-Бяо говорил: «Рано или поздно мы заключим брак, и у нас с тобой все будет общим, так какая разница?», А-Чунь много лет батрачила, но перевела все свои накопления на общий счет…

Какой смысл издеваться над ней из-за того, что она не видела мир! Шаошан была в неудержимой ярости:

–Убирайся вон как можно дальше! Возьмешь меня в жены? Можешь ли ты жениться на мне? Сообщил ли ты родителям? Нашел ли сваху? Где дары для невесты? Все это пустые слова, которыми ты развлекаешь меня! Семья Чэн пусть и не великолепна, как твоя семья Лоу, однако не терпит унижений! Няня, А-Мэй, немедленно идите сюда! Немедленно идите сюда! Прогоните этого потаскуна!

Лоу Яо и во сне не могло приснится, что эта девушка вот так отреагирует, он, заикаясь, сказал:

–Нет, я… я действительно хочу взять тебя в жены… д-действительно… я у-уже…

Шаошан не хотела слушать его чепуху и с силой задернула занавеску. Снаружи послышался

топот шагов, шумные голоса людей, смешанные с оправданиями Лоу Яо, а затем все постепенно исчезло вдали, очевидно, Лоу Яо прогнали.

Она легла ничком на мягкой подушке и начала плакать, невозможно жить такой жизнью – все над ней издеваются!

Чуть позже Сан-ши, посмеиваясь, проскользнула внутрь повозки, в руках она держала скрученное горячее полотенце, им обтерла лицо Шаошан и сама нанесла на него крем. Руки Сан-ши были прохладными и гладкими, Шаошан чувствовала себя очень комфортно.

Шаошан неловко сказала:

–Я рассмешила тетю!

Сан-ши с улыбкой сказала:

–Не волнуйся, твой дядя уже выгнал молодого господина Лоу. Вот только… – она очень заинтересовалась, – почему ты не поверила ему?

–А почему я должна верить? – обалдела Шаошан. – Неужели правильно относиться легкомысленно к проблемам? – ведь просто так не причинят тебе вреда.

Сан-ши замерла, а потом сказала со смехом:

–И верно.

Затем она достала из рукава маленькую и изящную поперечную флейту из зеленого бамбука, протянула ее Шаошан и сказала:

–Путешествие скучное, давай я научу тебя играть на флейте.

Шаошан неуверенно ответила:

–Не ты ли недавно стащила из комнаты деда экземпляр нотной тетради, а потом обнаружила, что твоей сяо и дядиному циню для гармоничного созвучия нужны звуки еще одной флейты? – фактически же это матушка Чэн поставила в затруднительное положение Сан-ши, нарочно заставив ее прибрать старый дом давно скончавшегося пожилого господина Чэна.

Сан-ши напустила на себя строгий вид:

–Избегай того, что избегают, иди туда, куда идешь! Могут ли люди, разделяющие одни и те же идеалы, делиться своими мыслями? Душа свекра на небесах счастлива была бы узнать, что мы играли его музыку! Да и что плохого в том, чтобы овладеть несколькими навыками?

Шаошан проглотила критику своей тети и, горько улыбнувшись, немедленно взяла флейту.

В это время снаружи вдруг раздался протяжный орлиный свист, прорвавшийся сквозь небо,

как острый меч, он рассек мрачный горизонт. Сан-ши быстро подняла занавеску, Шаошан вытянула шею и увидела парящего в сером небе сильного и величественного орла.

В глазах Шаошан появилась радость:

–Я никогда раньше не видела такого большого орла!

Сан-ши посмотрела на девушку, а потом на орла, который улетал все дальше и дальше:

–И правда. В будущем ты сможешь увидеть еще больше.

В это время с улицы раздались крики возниц и властные команды охранников семьи Чэн, и кортеж медленно отправился в путь.

Конец этого тома.

От переводчика и редактора: Дорогие наши читатели! Вот и подошел к концу первый том. А потому наш дружный коллектив берет две недели перерыва, за которые мы отдохнем, наберемся сил и начнем переводить следующий второй том (хочется напомнить, что их всего пять и еще есть бонусные главы). Надеемся видеть вас и дальше вместе с нами!

http://tl.rulate.ru/book/77281/3363027